

О трудолюбіи.

(Продолженіе ¹).

II.

Въ простѣйшемъ и первоначальномъ видѣ противоположность ума и воли (интеллектуализмъ и волюнтаризмъ) представляется, какъ единство, съ одной стороны, сознанія, а съ другой—влеченія или побужденія. Съ наибольшею силою, и прежде всего, заявляютъ себя побужденія, имѣющія свой корень въ тѣлесной природѣ, и потому одинаково свойственныя какъ человѣку, такъ и животнымъ. Съ одной стороны, отъ живого существа исходятъ побужденія, или влеченія, съ другой же стороны, отъ вещей, дѣйствующихъ на чувствительность того же существа, исходятъ разныя впечатлѣнія, имъ воспринимаемая, и такимъ образомъ происходитъ встрѣча внутреннихъ влеченій съ внѣшними впечатлѣніями. Поэтому, кромѣ смутныхъ, неопредѣленныхъ вначалѣ побужденій, или влеченій, живое существо испытываетъ довольно опредѣленныя, частію пріятныя, частію непріятныя ощущенія. Испытывать какое-либо состояніе значитъ сознавать его. Поэтому слѣдуетъ полагать, что и животныя обладаютъ сознаніемъ. Но только это сознаніе, безъ всякаго сомнѣнія, отлично отъ нашего. Впечатлѣнія для животнаго сознанія служатъ либо толчкомъ къ дальнѣйшему проявленію влеченія, или же препятствіемъ къ тому, задержкой; отъ этого взаимодействія между внутренними влеченіями и воспріятыми впечатлѣніями образуются съ теченіемъ времени инстинкты: инстинктъ есть не что иное, какъ результатъ и выраженіе установившагося равновѣсія между потребностями живого существа и условіями среды, отъ которыхъ зависитъ ихъ

¹) См. Труды Киевской дух. Академіи, іюль, 1905 г.

удовлетвореніе. Удовлетвореніе тѣлесныхъ потребностей для животнаго есть конечная цѣль; въ этомъ заключается, и этимъ ограничивается вся жизнь животнаго, причеиъ и самое удовлетвореніе всегда есть простѣйшее, элементарное. Потому то потребности эти и называются *животными потребностями*. Для человека же удовлетвореніе тѣлесныхъ потребностей есть въ сущности только средство, а не цѣль, средство къ *свободѣ*, именно къ освобожденію себя отъ давленія таковыхъ потребностей на духъ, на сознание. Очевидно, сознание у человека должно быть совсѣиъ иное, отличное отъ того, какое свойственно животнымъ. Сознание животнаго лишь сопровождаетъ процессъ отыскиванія и употребленія предметовъ, годныхъ къ удовлетворенію потребностей; когда это исполнено, то животное обыкновенно предается либо движенію, необходимому для роста и укрѣпленія организма (въ младшемъ возрастѣ), либо сну (въ возрастѣ зрѣломъ); въ последнемъ случаѣ сознание ослабѣваетъ и какъ-бы отсутствуетъ, ибо дѣлается излишнимъ по причинѣ удовлетворенія наиболее чувствуемой потребности. Поэтому должно полагать, что сознание животнаго никогда не бываетъ свободнымъ отъ своей естественной связи съ гѣиъ или инымъ влеченіемъ, и выражаетъ собою лишь нѣкоторое отношеніе между влеченіемъ и внѣшнимъ предметомъ; при отсутствіи какого-либо отношенія вещи къ природному влеченію животнаго отсутствуетъ, или по крайней мѣрѣ слабо проявляется и сознание этой вещи; сознание животнаго не можетъ быть *безкорыстно* и никогда не бываетъ таковымъ. Это значитъ, что сознание животнаго никогда не существуетъ въ формѣ *чистаго* представленія, въ видѣ отвлеченнаго понятія, чистой мысли. Что значитъ мыслить предметъ? Мыслить значитъ умственно (т. е. въ своемъ сознаніи) отдѣлять представляемый предметъ не только отъ другихъ вещей, но и отъ себя самого. Пусть представляемый мною предметъ имѣетъ отно-

шеніе ко мнѣ, но я говорю, что этотъ предметъ имѣетъ такое то свойство, что онъ является мнѣ такимъ, а не инымъ, т. е. я обращаю вниманіе не на то, чѣмъ можетъ быть для меня этотъ предметъ, но, главнымъ образомъ, на то каковъ онъ, что онъ такое самъ по себѣ, по своему собственному качеству, представляю его отвлеченно, словомъ отдаюсь *процессу созерцанія* его, и пока созерцаю, отрѣшаюсь мысленно отъ себя самого, отвлекая вниманіе отъ себя и всего своего. Эта свобода отъ давленія нужды и служенія имѣ для чело-вѣка всего дороже, если, конечно, достигается она трудомъ, а не есть случайный даръ судьбы. Даже люди, всю жизнь поглощенные заботами о насущномъ хлѣбѣ, въ самихъ этихъ заботахъ находятъ возможность удовлетворенія своей важнѣйшей основной, духовной потребности—*свободнаго созерцанія вещей*. Для иллюстраціи этого положенія можетъ служить слѣдующая характеристика крестьянина земледѣльца у Глѣба Успенскаго. „Крестьянинъ Иванъ Ермолаевичъ „бьется“ надъ работой изъ-за того только, чтобы быть сытымъ. Самъ онъ, подводя итогъ своимъ ежегоднымъ трудамъ, говоритъ, что въ концѣ концовъ, „только что сыты, больше ничего“. Однако ближайшее наблюденіе надъ тѣмъ,—какъ этотъ крестьянинъ относится къ предметамъ и явленіямъ изъ области своего земледѣльческаго труда, привело автора вотъ къ какому заключенію: „не потому только бьется крестьянинъ, что ему надо быть сытымъ, платить подати, но и потому еще, что земледѣльческій трудъ, со всеми его развѣтвленіями, случайностями, поглощаетъ и его мысль, сосредоточиваетъ въ себѣ почти всю его умственную и даже нравственную дѣятельность, и даже какъ-бы удовлетворяетъ *нравственно*“. Этотъ взглядъ на земледѣльческій трудъ далъ возможность автору понять многое въ поведеніи крестьянина Ивана Ермолаевича, чего прежде онъ не понималъ; ему припомнились выраженія, которыя онъ оставилъ прежде безъ

вниманія, какъ, напр., *заглядывая на жеребенка, залюбовался овсомъ*. Поэзія земледѣльческаго труда, замѣчаетъ авторъ, не пустое слово. Наилучше выразилъ эту поэзію Кольцовъ. „Мужикъ, изображаемый Кольцовымъ, говоритъ Г. Успенскій, хотя и влачится по браздамъ, какъ выразился Пушкинъ, хотъ и босикомъ шетется за клячей, находитъ возможнымъ говорить этой клячѣ такія рѣчи: „Весело на пашнѣ, я самъ — другъ съ тобою, слуга и хозяинъ. Весело я лажу борону и соху, телегу готовлю, зерно насыпаю. Весело гляжу я на гумно, на скирды, молочу и вѣю... Пашенку мы рано съ сивкою распашемъ, зернышку сготовимъ колыбель святую; его вспоить, вскормить мать земля сырая. Выдетъ въ полѣ травка, выростетъ и колось, станетъ сѣть, рядится въ золотыя ткани“.

Того же Кольцова косарь говоритъ такія рѣчи: „Ахъ ты степь моя, степь привольная!... Въ гости я къ тебѣ не одинъ пришелъ, я пришелъ самъ-другъ съ косою вострою... Мнѣ давно гулять по травѣ степной, вдоль и поперекъ, съ ней *хотѣлся*. Раззудись плечо, размахнись рука, ты пахни въ лицо вѣтеръ съ полудня, освѣжи, взволнуй степь просторную, зажуужи коса, засверкай кругомъ.“¹⁾

Не трудно видѣть, что въ этихъ примѣрахъ любовнаго отношенія къ своему дѣлу основаніемъ такого отношенія служить удовлетвореніе душевныхъ потребностей, именно, съ одной стороны—потребности *созерцанія* (любованіе предметами изъ области своего труда), а съ другой—потребность *свободнаго* проявленія своихъ силъ въ дѣлѣ. Первый элементъ—созерцаніе—умственный, а второй—волевой (мнѣ давно гулять по травѣ степной хотѣлся). Конечно, можно въ этихъ примѣрахъ усматривать простую привязанность къ

¹⁾ Сочиненія Глѣба Успенскаго, т. VII, изд. 1884. Павленкова, стр. 26 и дал.

природѣ. Крестьянинъ весь свой трудъ, правда тяжелый, совершаетъ въ непосредственномъ общеніи съ природою, а можно-ли не любить природы, въ особенности для человѣка, лишеннаго всякихъ иныхъ радостей, кромѣ впечатлѣній непосредственно получаемыхъ отъ созерцанія природы и общенія съ нею. Но разгадка поэзіи земледѣльческаго труда не въ этомъ заключается, а въ томъ, что какъ-бы самъ по себѣ ни былъ тяжелъ трудъ, но онъ дѣлается сноснымъ и даже легкимъ, мало того—любимымъ, если только есть какая-нибудь, хотя-бы самая ничтожная, возможность связать съ нимъ свое душевное дѣло, т. е. свободную внутреннюю работу своихъ душевныхъ силъ, своего мышленія, воображенія. Что можетъ быть скучнѣе такой работы, какъ переписываніе канцелярскихъ бумагъ? Однако Акакій Акакіевичъ Гоголя могъ же полюбить и это дѣло. „Врядъ-ли можно было найти человѣка, который такъ жилъ-бы въ своей должности. Мало сказать—онъ служилъ ревностно; нѣтъ, онъ служилъ *съ любовью*. Тамъ, въ этомъ переписываніи ему видѣлся какой-то свой разнообразный и пріятный міръ. Наслажденіе выражалось на лицѣ его; нѣкоторыя буквы у него были фавориты, до которыхъ если онъ добирался, то былъ самъ не свой и т. д. По своей охотѣ онъ и дома занимался переписываніемъ, въ то время, когда другіе сослуживцы его искали какихъ-либо развлеченій. „Написавшись въ сласть, онъ ложился спать, улыбаясь заранѣе при мысли о завтрашнемъ днѣ—что-то Богъ пошлетъ переписывать завтра“. Когда женщины или мушкетеры совместно исполняютъ какую-либо механическую работу, однообразную, не требующую усиленнаго вниманія, то такая работа обыкновенно сопровождается оживленною бесѣдою, и это обстоятельство, именно возможность занять свое вниманіе игрою представленій, живымъ обмѣномъ мыслей, впечатлѣній, ощущеній, вообще—возможность связать съ внѣшнею работою внутреннюю душевную работу, облегчаетъ

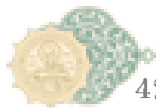
въ значительной степени тяжесть первой, можно сказать, дѣлаетъ ее незамѣтной. Поэтому казалось-бы, что наибольше должно быть любви не къ физическому, а къ умственному труду. Отчасти такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Извѣстно, что занятія наукой, искусствомъ тому, кто склоненъ съ этого рода занятіями и обладаетъ необходимыми для того дарованіями, даютъ высокое наслажденіе и рождаютъ въ душѣ сильную непреодолимую любовь къ дѣлу, могущую подвинуть человека на какія угодно жертвы. Какъ-же объяснить то явленіе, что школы наши, да и вездѣ, а не только у насъ, избилуютъ дѣтями,—вполнѣ нормальными молодыми людьми, и однако неспособными, по видимому, полюбить полезный и необходимый для собственнаго-же ихъ блага трудъ учебно-образовательный и воспитательный,—трудъ умственный, духовный, слѣдовательно, такой, который долженъ быть для каждаго наиболѣе желателенъ. Но въ этомъ то и дѣло, что это трудъ не физическій, а умственный, духовный. Физическій трудъ, требуя расходванія энергіи органической, душевнымъ силамъ предоставляетъ значительную свободу дѣйствія, школьное-же дѣло въ томъ и состоитъ, что оно налагаетъ руку на свободу дѣйствія душевныхъ силъ. Требуется, мало сказать—ограниченіе, почти совершенное исключеніе этой свободы: обучаемый лишается возможности предаваться игрѣ представленій,—и это тогда, въ такомъ возрастѣ, когда душевныя силы отличаются наибольшою живостію и подвижностію. Сколько нужно мудрости, т. е. знанія, опытности и умѣнья для того, чтобы, вторгаясь постоянно въ свободную и удободвижную сферу душевныхъ силъ, не подавлять свободного ихъ дѣйствія, не угнетать, а только лишь возбуждать и направлять! Такая мудрость—удѣлъ немногихъ. Всякое истинно душевное дѣло есть дѣло личное, т. е. у каждаго естественно должно имѣть свой особый характеръ, и можетъ имѣть успѣхъ при условіи болѣе или ме-

нѣе свободнаго проявленія особыхъ свойствъ своей души, ея отличительнаго характера. Поэтому требованіе, — въ дѣлѣ воспитанія и образованія принимать во вниманіе индивидуальныя черты обучаемаго, не пустое, и хотя трудно исполнимое, не должно оставаться однако въ полномъ пренебреженіи. Даже когда дѣло обученія и воспитанія правильно ведется, и въ этомъ случаѣ оно гребуетъ отъ обучаемаго и воспитываемаго не только большого душевнаго напряженія, но, можно сказать, даже самопожертвованія, состоящаго въ постоянномъ самоограниченіи, въ обузданіи всякихъ, не идущихъ къ дѣлу фантазій и порывовъ, въ удержаніи, въ теченіе значительнаго времени, своего вниманія на известномъ, можетъ быть, мало интересномъ и даже вовсе неинтересномъ предметѣ, на данной задачѣ, между тѣмъ, какъ множество впечатлѣній и воспоминаній, совсѣмъ постороннихъ для дѣла, назойливо вторгаются въ душу и влекутъ къ себѣ это непрочное, еще зыбкое вниманіе; требуется постоянно дѣлать не то что правится и чего хочется, а то, что пока ничего привлекательнаго въ себѣ не заключаетъ, но отъ чего ожидается со-временемъ, когда-то, и польза и удовольствіе, да и ожидается вовсе не тѣми, на которыхъ возлагается трудъ, ибо послѣдніе живутъ лишь настоящимъ и мало способны думать о будущемъ. Но всему этому школьный трудъ скоро и очень утомляетъ, а потому дѣлаетъ необходимымъ отдыхъ, предоставленіе нѣкоторой свободы дѣйствія душевнымъ и тѣлеснымъ силамъ. Смѣна труда и отдыха прежде всего въ школѣ является необходимой, а затѣмъ и вообще въ жизни такая смѣна есть правило общепринятое. Есть и въ природѣ вообще, и въ природѣ человека, основаніе, которымъ такое правило оправдывается; основаніе это заключается въ смѣнѣ времени года, дня и ночи, состояній сна и бодрствованія. Для насъ же важно въ особенности то основаніе, которое заключается въ указанномъ выше свойствѣ дѣятельности ду-

ховной. И физическій трудъ свое значеніе труда, какъ разъяснено выше, заимствуетъ отъ того, что а) въ него также входятъ элементы дѣятельности духовной,—мысль, чувство, усиліе воли, воздержаніе отъ всего, что могло-бы воспрещать существовать усилію дѣла; б) физическій трудъ оставляетъ мѣсто для свободнаго дѣйствія душевныхъ силъ. Очевидно, коль скоро трудъ по необходимости таковъ,—что имъ исключается эта свобода, то является нужда въ смѣнѣ подобнаго труда досугомъ, дающимъ возможность возстановленія нарушенной духовной свободы. Поэтому, если понимать отдыхъ послѣ труда какъ совершенный покой, какъ отсутствіе всякой дѣятельности, то такое пониманіе отдыха явно противорѣчитъ его смыслу и назначенію. Ближе къ истинному понятію объ отдыхѣ—то представленіе, что отдыхъ состоитъ въ *развлеченіяхъ* разнаго рода: вниманіе, стѣсненное во время труда, послѣ труда становится свободнымъ отъ всякаго усилія, напряженія, и отдается во власть свободнаго прилива и отлива впечатлѣній. Но самыя развлеченія могутъ быть таковы, что ближайшимъ неминуемымъ послѣдствіемъ дозволенія ихъ себѣ является гораздо большая утрата свободы душевныхъ силъ, чѣмъ какая бываетъ при выполненіи самаго тяжкаго труда. Сюда относятся развлеченія, состоящія изъ излишествъ чувственныхъ удовольствій (обжорство, пьянство). Поэтому обученіе и воспитаніе нужны не для приготовленія только къ труду, но и для того, чтобы человекъ научился пользоваться досугомъ не во вредъ, а на пользу душевной своей свободѣ, которая дается не природой, а главнымъ образомъ воспитаніемъ, дисциплиной, вообще опытомъ жизни благоустроенной, упорядоченной. Въ этомъ отношеніи физическій трудъ, помимо всего сказаннаго объ немъ выше, самый даже тяжелый, хотя бы и не заключалъ въ себѣ никакихъ душевныхъ элементовъ, но именно въ духовномъ отношеніи тѣмъ уже важенъ для человека, что своею регу-

лярностию и постоянствомъ (это—главное условіе) дисциплинируетъ характеръ человѣка, приучаетъ къ порядку, развиваетъ и утверждаетъ въ сознаніи человѣка идею обязанности, а при существованіи въ душѣ этой идеи и употребленіе свободы во время досуга, отдыха, не будетъ беспорядочнымъ и необузданнымъ.

Какъ извѣстно, древніе греки досугомъ, свободою отъ труда называли особый родъ жизни, именно—такъ они характеризовали жизнь свободную отъ физическаго труда и проводимую въ упражненіяхъ и занятіяхъ по преимуществу духовныхъ, или, по крайней мѣрѣ, имѣющихъ свою конечную цѣль въ интересахъ духовныхъ—умственныхъ, моральныхъ, эстетическихъ (*διατριβή, σχολή*). Пониманіе отдыха, досуга въ смыслѣ совершеннаго покоя, неподвижности свойственно преимущественно восточнымъ народамъ, ибо на Востоку сама природа принуждаетъ къ покою и неподвижности. Въ древней же Греціи, хотя и удерживается представленіе о свободѣ отъ труда, о досугѣ, какъ о состояніи высшемъ, болѣе совершенномъ и потому болѣе желательномъ, нежели трудъ, но въ это представленіе влагается уже иной смыслъ. По восточному представленію важное лицо тѣмъ отличается отъ простыхъ смертныхъ, что можетъ, когда захочетъ, и сколько захочетъ—предаваться покою, находится въ состояніи неподвижности. Для грековъ же было ясно, что, при вѣншей неподвижности, при сохраненіи вѣншняго спокойствія, можно быть внутренно-дѣятельнымъ. Поэтому, въ самомъ дѣлѣ, скульптурныя произведенія Грековъ, при вѣншемъ спокойствіи, имѣютъ на себѣ печать внутренно дѣятельной, духовной мощи и тѣмъ отличаются отъ произведеній восточнаго искусства. Древніе Греки отдыхъ, развлеченіе, свободу отъ труда полагали, главнымъ образомъ, въ эстетическомъ наслажденіи, какое можно получить отъ созерцанія прекрасныхъ зрѣлищъ, именпо разнообразныхъ игръ, праздничныхъ шествій, воин-

скихъ упражненій и торжествъ. Удовольствіе достигало высшаго напряженія отъ участія въ самомъ исполненіи этихъ зрѣлищъ. Богѣе высокое, можно сказать, чистое въ духовномъ смыслѣ наслажденіе доставляло созерцаніе художественныхъ произведеній. Такое созерцаніе, не возбуждая сильнаго волненія, при большомъ спокойствіи, даетъ больше работы душевнымъ, внутреннимъ силамъ созерцающаго. Само собою разумѣется, что въ наибольшей степени наслажденіе, доставляемое созерцаніемъ прекраснаго, должно быть свойственно самому виновнику, творцу художественныхъ произведеній. На его долю приходится удовольствіе не отъ созерцанія только, сначала умственно представляемаго, а затѣмъ осуществленнаго и получившаго внѣшнее бытіе, художественнаго предмета, но еще въ большей мѣрѣ отъ самаго процесса творчества. Процессъ этотъ тѣмъ особенно важенъ и заслуживаетъ вниманія нашего, что съ наибольшею ясностію представляетъ то главное условіе, болѣе или менѣе соединенное со всякимъ трудомъ, отъ котораго зависитъ *любовь* къ труду. Творческая производительность, какъ чисто духовный процессъ, состоитъ въ томъ, что человѣкъ свою мысль и чувство, какъ бы себя самаго, т. е. свою душу влагаетъ въ некоторое дѣло. Повидимому, это значитъ, что человѣкъ, любящій трудъ, видитъ въ немъ какъ бы часть самого себя, продолженіе себя или, пожалуй, воплощеніе своего я, и оттого только любить свой трудъ. Поэтому, не заключается ли источникъ любви къ труду въ самолюбіи? Такое толкованіе любви къ труду не вѣрно. Напротивъ, потому только дорогъ для насъ нашъ трудъ, что, входя въ процессъ исполненія своего дѣла, какъ уже выше сказано, мы забываемъ при этомъ себя, отвлекаемъ отъ себя, такъ сказать, всѣ свои силы и направляемъ ихъ на нѣчто другое. Наше и служить только исходнымъ пунктомъ въ процессѣ труда. Оно не болѣе какъ носитель тѣхъ даровъ, въ употребленіи

которыхъ состоитъ сущность труда. Отсюда цѣнность труда, удовлетвореніе, которое мы испытываемъ, исполняя трудъ, зависитъ отъ достоинства и важности тѣхъ мыслей и чувствъ для которыхъ трудъ, исполненный и исполняемый нами, служитъ документомъ и выраженіемъ. Конечно, изготовленіе предметовъ первой необходимости менѣе подходитъ подъ это понятіе о трудѣ; однако, тщательность или небрежность, мастерство или неумѣлость проявленныя въ производствѣ такого рода вещей, даютъ нѣкоторое понятіе о душевномъ состояніи и свойствахъ характера исполнителя подобнаго рода работъ. Впрочемъ, мы имѣемъ въ виду преимущественно значеніе труда для самого трудящагося, а не для другого посторонняго лица, къ которому исполняемое трудящимся дѣло можетъ имѣть и обыкновенно имѣетъ извѣстное отношеніе.

Какъ видно изъ предыдущаго, истинное понятіе объ отдыхѣ есть то, что это состояніе не противоположно труду, не будучи простымъ отсутствіемъ труда, а должно быть только инымъ способомъ дѣятельности, именно, болѣе свободнымъ проявленіемъ душевныхъ силъ, въ чемъ состоитъ также и сущность самаго труда. Понимая досугъ, время свободное отъ труда, вполне правильно, именно, какъ дѣятельное, но не стѣсненное проявленіе душевныхъ силъ, а въ то же время противопоставляя досугъ труду, древніе Греки пришли къ тому ложному взгляду на трудъ, трудомъ признавая лишь физическій трудъ, что трудъ унижаетъ человѣка, дѣлаетъ его рабомъ, ибо лишаетъ свободы, и потому долженъ быть принадлежностію рабовъ, а не свободныхъ гражданъ. Нѣтъ нужды говорить о томъ, что взглядъ на физическій трудъ, какъ на занятіе недостойное свободного человѣка, унижающее его, совершенно ложенъ: выше показано, что и въ трудѣ физическомъ участвуютъ элементы духовныя, и этого мало,—собственно только разумное и

обладающее свободною волею существо, слѣдовательно, изъ всѣхъ живыхъ существъ на землѣ, одинъ только человѣкъ и можетъ трудиться; такимъ образомъ, надо сказать, что истинное достоинство человѣка именно заключается въ томъ, чтобы трудиться, а не въ свободѣ отъ труда. Поэтому нѣкоторые (въ противоположность воззрѣнію Грековъ древнихъ) трудъ физическій даже предпочитаютъ чисто духовной дѣятельности, находя, что только физическій трудъ есть дѣйствительный трудъ, для всѣхъ явный и очевидный, равно какъ и полезность такого труда и для трудящагося и для другихъ очевидна и несомнѣнна, и что надобно желать только улучшенія условій физическаго труда, дабы этотъ трудъ могъ сдѣлаться желательнымъ для всякаго и принимался не по нуждѣ только, а съ полною охотою. Въ предпочтеніи физическаго труда есть нѣкоторая доля истины, но истина эта заключается не въ превосходствѣ физическаго труда надъ дѣятельностію интеллектуальною, духовною, а именно въ томъ, что физическій трудъ оставляетъ душевныя силы въ состояніи большей свободы и въ меньшей связанности, стѣсненности сравнительно съ различными видами труда интеллектуальнаго. Вотъ почему для человѣка, занятаго физическимъ трудомъ, дѣйствіе интеллектуальныхъ силъ служить отдыхомъ, развлеченіемъ; для человѣка же, преданнаго труду интеллектуальному, наоборотъ, отдыхомъ, развлеченіемъ служить трудъ физическій.

Въ пренебреженіи къ физическому труду выразилось не ясное сознаніе того, что конечною цѣлью человѣка должно быть не удовлетвореніе физическихъ нуждъ и служеніе тѣлу, а развитіе и проявленіе въ жизни духовныхъ стремленій. Но для этой цѣли нужна человѣку свобода не отъ физическаго труда, а отъ давленія на духъ чисто животныхъ чувственныхъ потребностей. Истинное достоинство человѣка требуетъ, чтобы свобода и самодѣятельность не были совѣмъ

подавлены либо недостаточнымъ или же излишнимъ удовлетвореніемъ тѣлесныхъ нуждъ. Трудъ состоитъ въ расходованіи силъ организма, посему необходимо возстановленіе потраченныхъ силъ. Если же этого вѣтъ, то человѣкъ лишается способности къ свободному и энергичному труду. Такое истощеніе силъ бываетъ при трудѣ подневольномъ, рабскомъ, если надъ человѣкомъ тяготѣтъ воля другого человѣка, либо желѣзная необходимость, заключающаяся въ условіяхъ общественнаго состоянія и положенія человѣка и вынуждающая нести трудъ превышающій размѣры силъ, т. е. такой, который не соединяется съ возможностью правильнаго (т. е. своевременнаго и достаточнаго) возстановленія силъ, растрачиваемыхъ въ трудѣ. Послѣдствіемъ этого является утрата способности къ труду, т. е. гибель человѣка. Такъ какъ такой исходъ труда для человѣка въ указанномъ случаѣ зависитъ не отъ воли самаго человѣка, а отъ условій существованія его въ обществѣ, то это и побуждаетъ обращать вниманіе на общественную жизнь, изучать ея устройство и историческое ея теченіе. Это дѣлается преимущественно въ наше время, а главное—въ видахъ возможно лучшей организаціи общественнаго труда. Гораздо ранѣе, и притомъ далеко въ большей мѣрѣ, было обращено вниманіе на то, какъ нерѣдко человѣкъ самъ, своею волею, доводитъ себя до того, что оказывается лишеннымъ способности къ труду. Такой результатъ получается, когда человѣкъ страдаетъ не отъ недостаточности удовлетворенія своихъ нуждъ, а отъ излишества частичнаго или общаго, т. е. относимаго либо къ одной потребности, либо ко многимъ. Какъ явленіе менѣе сложное, отличающееся индивидуальнымъ характеромъ и исправимое усиліями отдѣльнаго человѣка, этотъ видъ утраты человѣкомъ свободы духа и нравственнаго достоинства, по своей винѣ, еще въ древности обращалъ на себя вниманіе философовъ, особенно же слу-

жить предметомъ и ученія и практическихъ установленій христіанства.

Опасность для свободы и самодѣятельности духа отъ низшихъ тѣлесныхъ потребностей заключается въ томъ, что, при неумѣренномъ удовлетвореніи ихъ, легко переходятъ эти потребности въ страсти и поработаютъ духъ человѣка. Это должно признать прежде всего относительно полового влеченія. Уже Платонъ, греческій философъ, какъ извѣстно, порицалъ и отвергалъ чувственную изступленную любовь, и въ противовѣсъ ей, неумоимо и въ разныхъ формахъ, изображалъ любовь духовную, философское стремленіе къ высшему знанію и добродѣтели. Затѣмъ христіанство признаетъ цѣломудріе важнѣйшею добродѣтельною, такъ что на этой добродѣтели, какъ извѣстно, основанъ особый родъ жизни. Но замѣчательно, что христіанство же способствовало сильнѣйшему развитію половой любви, очистивъ и возвысивъ до идеальнѣйшаго совершенства естественное влеченіе къ женщинѣ своимъ ученіемъ о Богоматери, какъ *пречистой Дѣвѣ*. Идеаль чистоты, непорочности, дѣтской простодушной невинности сдѣлался въ христіанскомъ мірѣ необходимымъ содержаніемъ поэтическихъ изображеній любви. Идеаль этотъ выразился и въ живописномъ изображеніи мадоннъ. Въ нашихъ же церковныхъ и народныхъ представленіяхъ возобладала иная черта изъ догматическаго ученія о Приснодѣвѣ, именно—скорбь пережитая Ею, при видѣ мученій своего возлюбленнаго Сына, и, какъ послѣдствіе скорби, милосердіе, жалость ко всѣмъ страждущимъ. Эти разные черты въ идеѣ совершеннѣйшей женщины далеко не въ равной степени вошли въ жизнь: идея чистоты, невинности, изыщества и наружной прелести осталась у насъ преимущественно достояніемъ литературы (идея по преимуществу западная), напротивъ, идеаль милосердія, жалости, простосердечія и кротости въ образѣ женщины, отличающейся не столько красотой,

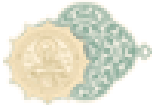
какъ *привлекательностию*, сдѣлался болѣе для насъ сроднымъ и близкимъ въ самой жизни. Къ счастью и современное стремленіе женщинъ къ равноправности съ мужчинами, къ высшему образованію, не вполне благоприятное для перваго идеала, вполне совмѣстимо со вторымъ.

Другія чувственныя потребности таковы, что полное отрѣшеніе отъ нихъ духа невозможно, а потому остается лишь соблюдать въ отношеніи къ нимъ умѣренность, но добродѣтель эта такова, что человекъ, предоставленный себѣ самому, легко можетъ переступить должную границу умѣренности. Поэтому еще въ древности такое дѣло, какъ употребленіе пищи и питья, соединялось съ удовлетвореніемъ болѣе высокой потребности духовнаго общенія чрезъ обмѣнъ мыслей и чувствъ о предметахъ, могущихъ возбудить интересъ къ себѣ настолько, что процессъ тѣлеснаго насыщенія, сопровождаясь такимъ образомъ одновременнымъ, такъ сказать, духовнымъ питаніемъ, незамѣтно и естественно умѣряется и ограничивается. Такъ было и въ языческомъ мірѣ, то же видимъ и въ христіанствѣ, но съ рѣшительнымъ преобладаніемъ духовнаго элемента надъ плотскимъ удовольствіемъ (на такъ назыв. вечера любви). Ясно, что возможная для человека *свобода* отъ чувственныхъ потребностей есть только отрицательное условіе для истинной свободы духа. Последняя же состоитъ въ неустанномъ развитіи дѣятельности духовной, — умственно-познавательной, и нравственно-образовательной. Вотъ въ чемъ заключается истинная сущность и задача труда. Въ основаніи своемъ познание и образованіе характера (умъ и воля) составляютъ единое и нераздѣльное дѣйствіе духа, одинъ и тотъ же духовный трудъ или иначе — подвигъ духа надъ самимъ собою и въ себѣ. Чрезъ такую то дѣятельность человекъ становится истинно, т. е. въ положительномъ смыслѣ, свободнымъ. Свобода духа не дается сама собою, а добывается трудомъ надъ собою самимъ.

Выше сказано, что наше я служить только исходнымъ пунктомъ, но не цѣлью труда. Поэтому, можно ли сказать, какъ сейчасъ сказано, что человекъ истинно трудящійся, въ сущности, надъ собою трудится и себя вырабатываетъ? Это можно сказать въ томъ смыслѣ, что хотя человекъ, когда трудится, имѣетъ въ виду нѣчто иное, а не себя самого, ставитъ цѣль внѣ себя, но, стремясь къ осуществленію поставленной цѣли, онъ, не замѣчая того, и самъ становится въ уровень поставленной для себя цѣли. Въ этомъ смыслѣ говорятъ о цѣляхъ человеческого дѣланія, что онѣ бываютъ и низкія и высокія. Трудясь для цѣли низкой, человекъ и самъ становится низкимъ, а когда назначаетъ для себя цѣль болѣе или менѣе возвышенную, то, трудясь для таковой цѣли, и самъ возвышается.

Повидимому, сейчасъ сказанное не согласуется со всеѣмъ доселѣ изложеннымъ о трудѣ. Предыдущее приводитъ къ тому заключенію, что только отсутствіе труда, бездѣйствіе худо, а трудъ, каковъ бы ни былъ, спасаетъ человека отъ паденія; даже трудъ грязный (при уходѣ, напр., за больными), исполняемый по внушенію расположенія, любви къ ближнему, не для корысти, а по сознанію необходимости его для общаго благополучія, нимало не унижаетъ человека. Итакъ, спрашивается, — человекъ преданный труду можетъ-ли быть низкимъ, можетъ-ли быть и такой трудъ, который былъ-бы для человека унижательнымъ?

Когда кто-либо задается цѣлью недостойною, напр., хищническимъ образомъ обогатиться, или занять въ обществѣ почетное положеніе, не имѣя на то права, то такой человекъ вовсе и не помышляетъ о трудѣ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Посредствомъ хитростей, обмана, всякаго рода уловокъ, такого типа дѣятель будетъ стараться другихъ заставить работать на него. Жизнь человека преслѣдующаго цѣли недостойныя очень хлопотлива, преисполнена всякаго

рода превратностей и неожиданностей, но это не есть жизнь трудовая. А что въ общежитіи всякаго рода суетливыя похощенія также называются трудомъ, такъ это объясняется тѣмъ, что вообще въ просторѣчи вещи обозначаются такъ или иначе по ихъ видимости, а не по сущности. Если также въ трудѣ челоуѣкъ руководится единственно корыстнымъ разсчетомъ, тщеславіемъ и подобными побужденіями, а не любовью къ дѣлу, то никогда такой трудъ не бываетъ совершеннымъ и безъ крупныхъ недостатковъ, имѣя характеръ механической, формальной, безъ малѣйшей черты индивидуальности, своеобразія. Это трудъ несвободный, исполняемый по нѣкоторой необходимости, хотя, конечно, и такой трудъ все же предпочтительнѣе совершеннаго бездѣлья. Дѣло въ томъ, что всякая плодотворная мысль, всякая идея, сообразная съ существомъ духа челоуѣческаго, сама въ себѣ заключаетъ стремленіе къ произведенію соотвѣтственнаго дѣйствія, къ своему осуществленію (единство ума и воли— что составляетъ характеръ челоуѣка), и только такого рода мысли и идеи рождаютъ настоящій трудъ и дѣйствительную любовь къ труду. Напротивъ, мысль недостойная, фальшивая не въ состояніи подвинуть челоуѣка на соотвѣтственное дѣло, а потому челоуѣкъ, желающій для себя почему-либо осуществленія подобной мысли, будетъ искать иныхъ способовъ къ достиженію желаемаго, но никогда не изберетъ для того прямой и открытій трудъ: нужна вѣдь вѣра въ свою цѣль, т. е. признаніе ея важности и исполнимости, чтобы явилось серьезное стремленіе къ ея осуществленію. Это ведетъ къ тому допущенію, что всякая коренная, связанная съ существомъ духа челоуѣческаго мысль или идея есть не только мысль, но вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣло,—иначе сказать— есть воля, получившая форму мысли, или же, наоборотъ,— мысль дѣйствующая и стремящаяся къ дѣйствию, слѣдовательно, получившая характеръ воли. И если въ жизни раз-

личіе между умомъ и волею, между видами дѣятельности практической и теоретической представляется въ общемъ рѣзко выраженнымъ, то главное условіе этой дифференціаціи заключается не въ существѣ человѣческаго духа, а въ жизни общественной, слѣдовательно, относится лишь къ проявленіямъ духа, а не къ существу его.

П. Линицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).